

Неловкость

К концу процедуры Сяо Жун уже не издавал ни звука. Перестало ли быть больно? Нет. Просто он внезапно осознал, что вокруг полно народу, и уязвлённое тщеславие заставило его мгновенно замолчать. И пусть лицо юноши пылало, он был твёрд в своём решении не произнести больше ни стона.

Сяо Жун уткнулся лицом в траву, притворяясь мёртвым.

Агусэцзя, закончив разгонять его ци, с недоумением коснулась его спины. Её метод лечения, передававшийся в племени Бутэу из поколения в поколение, представлял собой особую технику массажа, которая активизировала кровообращение, снимала застойные явления, проясняла разум и обеспечивала свободное течение ци. Серьёзные болезни она не лечила, да и с лёгкими недугами боролась лишь поверхностно, но при хронических заболеваниях, врождённой слабости и мучительных последствиях старых травм показывала превосходные результаты.

Прежде племя Бутэу обитало в глухих горах, где не было никого, кроме них самих. Им приходилось во всём полагаться только на себя, и постепенно у них сложилась собственная цивилизация — со своим языком и своей медициной.

Агусэцзя была одной из самых искусных целительниц. Ещё в детстве она проявляла живой интерес к врачеванию, а после безвременной кончины сестры и её мужа и вовсе посвятила себя этому искусству, увлекая за собой всё племя.

Во время военных походов, когда не хватало лекарей, именно выходцы из этого народа занимали их место. За свою жизнь женщина видела если не десять тысяч больных, то несколько тысяч уж точно. Поэтому она и была так озадачена. Сяо Жун определённо выглядел как человек с недостатком ци и крови и повреждёнными меридианами, так почему же после сеанса не последовало никакой реакции?

Обычно после такой процедуры спина пациента должна была гореть огнём, так что на ней можно было бы жарить яичницу. Отсутствие такой реакции могло означать лишь одно из двух.

Первое — она слишком давно никого не «раскатывала» и допустила ошибку.

Второе — дело не в ней, а в том, что юноша на самом деле здоров.

Агусэцзя на мгновение замолчала, её взгляд потускнел.

«Значит, всё-таки моя ошибка»

***

Она знала, что у неё сильные руки, и обычный житель Срединной равнины едва ли выдержит такую процедуру. Одного раза было достаточно, чтобы измотать человека. Повтори она сеанс, и этот нежный мальчик с тонкой кожей мог бы и расплакаться на месте. Поэтому целительница молча поднялась, решив повторить процедуру в другой день.

Не говоря ни слова об этом ужасающем намерении, она обратилась к стоявшему рядом Цюй Юньме:

— Можешь отпустить его.

Едва Цюй Юньме убрал руки, Сяо Жун рывком, словно карп, выпрыгнувший из воды, вскочил на ноги.

Он стоял, весь красный, с прилипшими к одежде травинками. В волосах его невесть как запуталась зелёная былинка.

Сяо Жун сжал кулаки, его грудь тяжело вздымалась. Цюй Юньме хотел было убрать травинку из его волос, но стоило ему протянуть руку, как Сяо Жун метнул в него такой взгляд, что Чжэньбэй-ван замер, так и оставшись стоять с нелепо поднятой рукой, не смея пошевелиться.

Если бы взглядом можно было убивать, от Великого вана сейчас остался бы лишь бульон для хого.

Ни в прошлой, ни в этой жизни Сяо Жуну не доводилось испытывать подобного унижения. Он потерял дар речи, позабыв о субординации и приличиях. Руки дрожали от гнева. Ему хотелось на месте загрызть Цюй Юньме.

Пока он изо всех сил пытался успокоиться, он не замечал, что все вокруг ошеломлённо смотрят на него. Лишь осознав, что по-прежнему остаётся посмешищем для толпы, советник застыл, а затем резко развернулся и зашагал прочь.

Гао Сюньчжи тут же последовал за ним. У Великого вана на это не хватило духу, и он остался стоять на месте.

Агусэцзя проводила юношу взглядом, и лишь когда тот скрылся в толпе, повернулась к Цюй Юньме и заметила:

— У этого господина весьма внушительный вид.

Цюй Юньме промолчал.

Он с облегчением выдохнул. Слава небесам, не ему одному кажется, что Сяо Жун порой бывает до ужаса грозным.

Хоть мысленно он и согласился, вслух этого, разумеется, не показал и лишь небрежно бросил:

— Да так, ничего особенного.

— ...Глупая птица, — пробормотала Агусэцзя.

***

Чем красивее человек, тем больше он заботится о своей репутации. Недаром говорят: «увядание красавицы, закат героя». То, что эти два понятия ставят в один ряд, показывает, каким ударом для красавицы является потеря бывшего облика.

Сяо Жун своей красоты ещё не лишился, но сегодня он окончательно лишился своего достоинства.

На глазах у всех его, словно рыбу, прижали к земле, и он при этом издавал вопли, подобные визгу резаной свиньи... Сяо Жун снова уронил голову на подушку из куриных перьев.

«Просто задохнусь и покончу с этим»

Когда Гао Сюньчжи вошёл, он застал именно такого, замкнувшегося в себе юношу. Сначала канцлер удивился, не понимая, что тот делает, но немного поразмыслив, догадался. Цюй Юньме был человеком простым и понятным, да и Сяо Жун не был такой уж загадкой. Пусть в голове у него и хранились несметные знания, а эрудиция простиралась от небес до земли, по характеру эти двое были два сапога пара.

В глазах Гао Сюньчжи оба они были людьми чистыми и искренними.

Канцлер поджал губы, позволяя себе мгновение беззвучно посмеяться, прежде чем сесть рядом.

Сяо Жун услышал движение, но подниматься не стал. Гао Сюньчжи и не настаивал. Помолчав немного, он тихо начал:

— Я встретил армию Чжэньбэй во второй год эры Юйшунь. Не сочти за хвастовство, А Жун, но поначалу я прибыл в район заставы Яньмэнь как преступник, сосланный в Ляоси.

Сяо Жун не шевелился, но открыл глаза и с любопытством прислушался к словам собеседника.

Гао Сюньчжи прищурился, погружаясь в воспоминания:

— Я родом из бедной семьи. Мой дед добился некоторых успехов на военной службе, что позволило нашей семье выбиться в люди. Но отец мой, поддавшись чужим уговорам, принял участие в заговоре нескольких ванов в пятый год эры Тайнин. После смены власти всех заговорщиков казнили, а их семьи сослали.

Тут он понял, что немного отклонился от темы, и смущённо улыбнулся.

— Всё это дела давно минувших дней. Нет худа без добра. Проведённые в армии Чжэньбэй двадцать с лишним лет принесли мне огромное удовлетворение. Я участвовал в защите страны, собственноручно убивал кочевников и видел, как Чжэньбэй-ван из крошечного ребёнка вырос в могучего мужа, способного держать на своих плечах небо и землю. Таким опытом не каждый может похвастаться.

Сяо Жун угрюмо закрыл глаза. Сейчас ему совсем не хотелось слышать похвалы в адрес Цюй Юньме.

Гао Сюньчжи посмотрел на него и продолжил:

— Знаешь ли ты, кто та женщина, что только что правила твою ци? Это лоу государя. Ах да, «лоу» на языке племени Бутэу означает и тётю по материнской линии, и тётю по отцовской, и даже мать. Людей в их племени мало, они обычно живут одной большой семьёй и вместе воспитывают детей. Каждый исполняет роль родителя, поэтому это слово имеет такое широкое значение.

— А Жун, ты, должно быть, не знаешь всего этого, потому что государь никогда тебе не расскажет. Хотя сейчас жизнь стала немного легче, в прошлом он из-за своего иноземного происхождения перенёс слишком много страданий. Он не любит говорить о народе своей матери. В прошлый раз, когда он отправился за женьшенем Соляной Девы ради тебя, я был поражён до глубины души. А сегодня, беспокоясь о твоём здоровье, он на глазах у всех попросил свою лоу помочь тебе. Если бы не было другого такого же государя, я бы подумал, что его подменили.

Сяо Жун резко сел, на его лице застыло непроницаемое выражение.

— Канцлер, к чему вы всё это говорите?

Гао Сюньчжи не ожидал, что тот так внезапно поднимется, и от испуга едва не забыл, что хотел сказать дальше. Он широко раскрыл глаза, сглотнул и продолжил:

— Я хочу сказать, что с твоего появления, А Жун, государь меняется каждый день. Я знаю, что ты торопишься, но надеюсь, ты дашь ему немного времени. Последние десять лет он жил по

принципу «око за око» и «всё делать самому», только так он мог защитить всех. Если бы не его твёрдость, армию Чжэньбэй давно бы уже много раз расформировали. Этот образ действий, выработанный им в борьбе за выживание, не изменить за день или два. Тебе нужно быть терпеливее.

Сяо Жун промолчал.

Он поджал губы и, не говоря ни слова, смотрел на Гао Сюньчжи. Тот же улыбнулся, потому что заметил ещё одну вещь: хоть юноша в чём-то и походил на Цюй Юньме, в чём-то другом они были полными противоположностями. Когда молчал Чжэньбэй-ван — это предвещало беду. А когда молчал Сяо Жун — это означало, что он действительно прислушался.

По сравнению с Великим ваном, Сяо Жуна было так легко убедить. Гао Сюньчжи, обрадовавшись, решил добавить ещё пару слов, чтобы закрепить успех.

— И долго терпеть не придётся. Государь ведь действительно заботится о тебе, он беспокоится о твоём здоровье и прислушивается к твоим словам. Посмотри, как он сегодня волновался! По моему, пройдёт совсем немного времени, и он изменится.

Сяо Жун ничего не ответил.

Гао Сюньчжи, довольный, ушёл. Сяо Жун же с негодованием уставился на опустившийся полог шатра, а затем снова рухнул лицом в подушку. Как же раздражает!

***

Из-за этого происшествия армия остановилась на привал. Всё равно уже вечерело. Решили развести костры, приготовить ужин, дать людям выспаться, а на рассвете снова двинуться в путь.

Цюй Юньме остался в лагере племени Бутэу и не возвращался. С виду он расспрашивал Агусэцзя о здоровье Сяо Жуна, но на самом деле просто не решался вернуться. Ему казалось, что, вернись он, Сяо Жун с перекошенным от ярости лицом набросится на него и загрызёт.

Агусэцзя ещё не видела его таким. Но в отличие от простого удивления Гао Сюньчжи, в её взгляде читалось презрение.

«Цюй Юньме весь в своего отца-чужака. Такой же упрямый и ни капли не прямолинейный»

Разговаривая с ним, она одновременно добавляла в котёл заранее приготовленные травы. Сварив чашу коричневого отвара, она протянула её... но не Цюй Юньме. Тот знал, что это для Сяо Жуна. Процедура не дала должного эффекта, и Агусэцзя, боясь, что юноше всё ещё больно, сварила это лекарство. Чжэньбэй-ван уже протянул было руку, чтобы взять чашу, но его лоу

отдёрнула её и передала другому человеку.

— Даньжань, отнеси.

Цюй Юньме застыл.

— Лоу! — недовольно воскликнул он.

Почему Даньжань? Почему не он? Это же был прекрасный повод вернуться!

Агусэцзя подняла на него спокойный взгляд.

— Зачем зовёшь? Ты же не торопишься возвращаться. Посиди ещё.

Цюй Юньме промолчал.

Тем временем Сяо Жун, побыв некоторое время в одиночестве, наконец-то оторвал голову от подушки. Он без сил опёрся на неё, не понимая, отчего такая слабость — то ли от потраченного здоровья, то ли от слишком бурных эмоций.

С обречённым видом он смотрел на крышу повозки. Вдруг сверху послышался стук капель. Юноша замер, приподнялся, желая посмотреть, не пошёл ли дождь.

Не успел он пошевелиться, как полог повозки откинулся. Маленькая девочка, крепко прижимая что-то к груди, вбежала внутрь. Её волосы и одежда промокли, но то, что она несла, оставалось сухим. Она быстро поставила это в повозку, опустила полог и, не решаясь пройти дальше из-за своей грязной одежды, замерла на месте, смущённо глядя на Сяо Жуну.

Это была та самая девочка, что дважды встречала его и дважды убегала.

Сяо Жун вскинул бровь, ожидая, что она скажет.

Даньжань молчала.

Не смея посмотреть ему в глаза, она опустила голову и пробормотала:

— Это нало велела передать лекарство. Ты... то есть, господин, не забудьте выпить.

Сяо Жун взглянул на чашу. Она походила на миниатюрную пузатую вазу — должно быть, тоже изделие её народа. Обычные чаши для лекарств в походе не годятся, а такая форма, надо

признать, была довольно удобной.

«Хотя и выглядит странно»

— М-м, — промычал Сяо Жун, не отвечая, выпьет он или нет. — Кто такая «нало»?

— Моя бабушка, — ответила Даньжань. — Та, что лечила господина.

— Родная бабушка?

Даньжань растерянно подняла голову и, вспомнив, как называют родственников жители Срединной равнины, тихо ответила:

— Двоюродная бабушка.

Сяо Жун мысленно прикинул родственные связи и поразился.

Эта девочка — племянница Цюй Юньме. У того был только один старший брат, значит, она его дочь? Не может быть, по возрасту не сходится!

Ему показалось, что он наткнулся на какую-то семейную тайну, и он проглотил все рвавшие наружу вопросы. Помолчав, он спросил:

— Почему ты убегала, когда видела меня?

Даньжань молчала. Её голос стал ещё тише, почти как комариный писк:

— Вы слишком красивый. Я... я испугалась.

Уголки губ Сяо Жуна дёрнулись. Он просто пошутил, а оказалось, что и вправду напугал её.

И всё же он не понимал. Разве «красивый» — это то же самое, что «страшный»?

Он высказал своё недоумение. Даньжань, смущённая, понимала, что повела себя невежливо, но ничего не могла с собой поделать. Теперь, когда у неё появился шанс объяснить, она постаралась всё рассказать.

Говорила она на языке Срединной равнины очень хорошо, и Сяо Жун быстро понял. Она боялась его, потому что в детстве её обидел один очень красивый человек. Зная, что она боится высоты, он подбрасывал её в воздух. Зная, что она боится гусей, он загонял её в гусиную стаю.

Это оставило в её душе глубокий след. А Сяо Жун был так же красив, как и тот человек, и это пробудило её старые страхи.

Сяо Жун промолчал.

В армии Цюй Юньме есть такой мерзавец, обижающий детей? Да как такое возможно! Сегодня он и так был зол, а выместить гнев было не на ком. Отличный повод свершить правосудие!

— Кто этот человек? — гневно спросил Сяо Жун.

Даньжань улыбнулась.

— Это мой миньцзи, то есть, ваш государь.

Сяо Жун застыл. Выражение его лица окаменело. Спустя долгое мгновение он указал на себя:

— Я похож на твоего миньцзи?

— Вы почти одинаковые, — уверенно кивнула Даньжань.

— Твоего миньцзи зовут Цюй Юньме? — уточнил Сяо Жун.

— Да, у меня только один миньцзи.

Сяо Жун был потрясён. В жизни не встречал ребёнка, который бы так нагло врал в глаза.

«Я и Цюй Юньме похожи?! И даже „почти одинаковые“? Как это вообще применимо к нам? Если встанем рядом, то будем выглядеть как две матрёшки, и я — та, что внутри. Он одним ударом может размозжить человеку голову, а если ударю я, то сломаю себе руку. И после этого говорить, что мы похожи? Чёрта с два!»

На его лице было написано полное недоверие. Даньжань, видя это, хотела было объяснить ещё раз, но в этот момент полог повозки снова откинулся.

Внутри, нахмурившись, заглянул Цюй Юньме. Оглядев их, он спросил:

— О чём вы говорите?

При виде него Сяо Жун вспомнил недавнее унижение, и его лицо мгновенно стало холодным.

— Ни о чём.

Чжэньбэй-ван промолчал. Он посмотрел на Даньжань, но та, чувствуя себя виноватой, тоже не проронила ни слова.

— Возвращайся, — сказал Великий ван. — Я прослежу, чтобы он выпил лекарство.

Даньжань торопливо кивнула. Она и сама не хотела здесь оставаться. Один — её детский кошмар, другой — его вылитая копия. Она была бы рада улететь отсюда на крыльях.

Даньжань убежала. Цюй Юньме опустил полог и взял чашу с лекарством. Он уже собирался передать её Сяо Жуну, но тот холодно бросил:

— Выгонять ребёнка под дождь... Государь не боится, что она заболит?

— Небольшой дождь не повредит, — чуть помедлив, ответил Цюй Юньме.

Сяо Жун открыл рот, чтобы возразить. Как это не повредит? Сколько людей, промокнув под дождём, подхватывали простуду и больше не просыпались. А это ребёнок, у детей иммунитет слабее.

Но прежде чем слова сорвались с его губ, он посмотрел на искренне невозмутимое лицо Великого вана, и все возражения застряли у него в горле.

Эта девочка кочевала с армией Чжэньбэй по северам и югам, побывала на бесчисленных полях сражений. Жизнь под открытым небом давно стала для неё привычной. Дни, когда небо было её крышей, а земля — постелью, не казались ей чем-то особенным. Что для неё какой-то лёгкий дождик?

Слова Гао Сюньчжи всё-таки пустили корни в его сознании. Он начал принимать во внимание прошлое и положение этого человека. Он начал его понимать.

Сяо Жун молчал.

«Это дурной знак!»

Он мгновенно замолчал и с мрачным видом отвернулся, повернувшись к Цюй Юньме спиной.

— Раз государь считает, что не повредит, я не буду спорить, — бросил он через плечо. — Оставьте лекарство, я выпью, когда проснусь.

Сказав это, он закрыл глаза, делая вид, что собирается спать.

Цюй Юньме смотрел на его сомкнутые веки, и знакомое раздражение снова начало подниматься в нём.

Но это было не то раздражение, что заставляло его желать убивать. Это было другое чувство, словно его заперли в комнате без дверей и окон. Ему хотелось выбраться, но он не знал как, и оставалось лишь метаться взад и вперёд, как зверю в клетке, не находя покоя.

Если он не сломает эту клетку, он задохнётся. Поэтому сегодня он был полон решимости разобраться во всём.

Помолчав, Великий ван поставил чашу с лекарством на пол. Керамика глухо стукнула о деревянные доски. Дождь за окном не прекращался, его монотонный стук по крыше повозки создавал в тесном пространстве громкий, барабнящий шум.

Атмосфера располагала ко сну, но Сяо Жуну совсем не спалось. Он знал, он чувствовал, что за ним наблюдают.

Он ждал, когда Цюй Юньме заговорит. А тот ждал от него знака, что можно начать разговор. Они молча противостояли друг другу. Кто-то должен был уступить.

Наконец, первым заговорил Великий ван. И начал он так:

— Я и впредь буду мстить своим врагам. Что бы ты ни говорил, я никогда не прощу тех, кто причинил мне зло.

Сяо Жун промолчал.

«Ну ты даёшь»

Он со злостью заскрипел зубами. И тут Цюй Юньме добавил:

— ...Но я постараюсь, чтобы никто не узнал, что это моих рук дело.

Произнося последние слова, он был крайне недоволен. Он, человек гордый, считал, что действовать исподтишка — не по-мужски. Но видя, как советник из-за этого едва не умирает от гнева, Великий ван был вынужден пойти на уступку.

Сказав это, он продолжал смотреть на Сяо Жуну. Тот, помолчав, медленно сел. Едва его лицо оказалось на свету, стало видно, что брови его сведены.

— Государь думает, я против того, чтобы вы мстили? Я против того, чтобы вы так легко отнимали жизни! Как говорится, каков правитель, таковы и подчинённые. Если государь будет без раздумий казнить людей, его воины станут поступать так же. Во что тогда превратится армия Чжэньбэй? Чем она будет отличаться от...

«...от шайки разбойников»

Он хотел сказать это, но запнулся и подобрал другие слова:

— ...чем она будет отличаться от той, что была при генерале Цюй? Я ваш советник, и, естественно, желаю, чтобы всё лучшее в мире принадлежало вам: и плодородные земли, и победы в битвах, и богатства, и сердца людей. И добрая слава мудрого и милосердного правителя в том числе. Поэтому, когда я вижу, что государь имеет возможность получить всё это, но так легко отбрасывает её, я не могу сдержать свой гнев.

Говоря это, Сяо Жун не притворялся. Он и вправду сожалел о своей вспыльчивости. К счастью, Цюй Юньме не стал его наказывать. Если бы он тогда согласился с ним, Сяо Жуну оставалось бы только плакать.

Всё-таки он зазнался. Из-за того, что Чжэньбэй-ван был с ним вежлив, а в последнее время они неплохо ладили, он в пылу гнева забыл, что перед ним — государь, его господин. Его жизнь зависела не только от очков удачи этого человека, но и от его сиюминутного настроения.

Сяо Жун сидел и молча размышлял, не видя, как по лицу Цюй Юньме скользнула тень неловкости.

Тот открыл было рот, чтобы что-то сказать, но, видя, что на него не смотрят, снова закрыл. Помолчав, он опять заговорил:

— ...Я понимаю твои чувства. Но и тебе следует поумерить свой пыл. Не успеешь и пары слов сказать, как уже доводишь себя до болезни. Здоровье и так слабое, как ты выдержишь такие потрясения?

С этими словами он взял чашу с лекарством и на этот раз почти силой вложил её в руки Сяо Жуну. Тот не стал спорить и залпом выпил всё до дна.

После этого они оба молчали, каждый сидел в своём углу. После ссоры люди обычно чувствуют душевную усталость и погружаются в некоторое умиротворение. Великий ван ни о чём не думал, но, слушая стук дождевых капель, похожий на россыпь жемчуга, вдруг вспомнил, что всего час назад они кричали друг на друга до хрипоты.

Он со многими ссорился, и без исключения все эти случаи заканчивались очень плохо. Сяо Жун был единственным, кто заставил его хоть немного уступить, и единственным, кто,

несмотря ни на какие разногласия, снова принимал его, наставлял и относился к нему с искренностью.

Это было новое и... приятное чувство.

Он протянул руку, слегка приподнял полог и, глядя на пелену дождя, едва заметно улыбнулся.

Однако в следующую секунду размышлявший о своём Сяо Жун недовольно произнёс:

— Государь.

Цюй Юньме рывком отёрнул руку. Полог медленно опустился, снова преграждая путь тонким струйкам дождя, пытавшимся просочиться внутрь.

<http://bllate.org/book/15355/1422076>